

Благодаря тому, что Нин Цзючэнь время от времени помогала ей с учебой прямо в больнице, она совсем не отстала от программы, несмотря на столь долгое отсутствие, и это касалось даже математики, которая давалась ей с трудом.

Нин Цзючэнь в последнее время казалась невероятно занятой. Даже ученики из соседнего класса редко видели ее — разве что удавалось бросить мимолетный взгляд, когда та во время перемены шла в туалет мимо их двери.

Если подумать, Цзян Жугу сама бы не поверила, если бы не увидела все своими глазами: раньше Нин Цзючэнь говорила ей, что они с Лун Батянем учатся в соседнем с ней классе. При таком близком расстоянии и целого года учебы за плечами она ухитрилась ни разу этого не заметить. Впрочем, она признавала, что, пожалуй, вечно была занята зарабатыванием денег и редко обращала внимание на окружающих.

Главным образом она недоумевала, почему Вторая средняя школа в основном принимает либо мажоров, пришедших сюда ради забавы, либо таких же бедных учеников, как она сама, стремящихся сэкономить на учебе и получить стипендию. Разве такие обеспеченные и талантливые ученицы, как Нин Цзючэнь, не должны учиться в Первой средней школе?

На это Нин Цзючэнь отвечала, что пришла сюда учиться ради своего парня, иначе ей было бы беспокойно находиться так далеко от него. Цзян Жугу чувствовала, что в последнее время ведет себя немного странно: стоило ей заметить хоть малейшее проявление заботы Нин Цзючэнь о Лун Батяне, как на сердце становилось горько и тоскливо. Она толком не могла объяснить это чувство, но знала одно — прежде ей ничего подобного испытывать не доводилось. Она думала, что всё дело, должно быть, в том, насколько ветрен Лун Батянь. Он предал Нин Цзючэнь, которая всем сердцем желала ему добра, и именно поэтому у неё самой на душе было так скверно. Ей непременно нужно было сделать так, чтобы Нин Цзючэнь узнала, насколько ненадежен её парень, и поскорее подыскала себе другую, куда более достойную пару.

С самого первого дня после возвращения в школу она ежедневно получала самые разные любовные завтраки, а временами на её парте появлялись сладости и молочный чай — такие дорогие, что сама она пожалела бы денег на их покупку. Она не верила, что кто-то станет делать ей добро просто так, без всякой причины. Нин Цзючэнь уж точно не стала бы вытворять ничего подобного, а потому в конце концов вся эта еда неизменно отправлялась в желудок её соседки по парте, которая только облизывалась от зависти.

Лишь в тот день, когда ей пришло любовное письмо в розовом конверте, она узнала, что за всем этим стоял Лун Батянь. Содержание послания было поистине таково, что не испытывать отвращения к нему просто не получалось. Судя по всему, по его собственному мнению, это и заботой-то было самой нежной и всесторонней, а значит, она должна была до слёз растрогаться и тут же согласиться стать его девушкой.

Особенно одна фраза — Цзян Жугу искренне не понимала, как у него хватило бесстыдства вообще такое выговорить: «Как ты можешь меня не любить, если я такой красивый, богатый и преданный?» Раз красив и богат, так сразу и люби его — до чего же поверхностные взгляды!

Разве можно измерять чувства подобными вещами? А уж слово «преданный» разило такой насмешкой, что пробирало до мозга костей: имея девушку, тайком ухлестывать за другими — это что же, он прямо-таки навязывал ей роль разлучницы? Цзян Жугу пришла в такую ярость, что ей хотелось выругаться на чём свет стоит: такого мерзавца она за всю свою жизнь не встречала. Соседка по парте заметила, что выражение лица у той изменилось, и не удержалась — бросила вороватый взгляд в тетрадь. После этого о том, что школьный красавчик Второй молодой господин Лун без памяти влюблен в Цзян Жугу, узнал весь белый свет. У школьного красавчика ведь есть невеста, к тому же он так богат, хорош собой и предан, с чего бы ему заглядываться на эту сучку Цзян Жугу? Наверняка она применила какие-то уловки, чтобы охмурить нашего Второго молодого господина Луна, да еще и строит из себя недотрогу, держит его на крючке — какая же бесстыдница!

Когда домашнее задание стало таинственным образом пропадать, соседки по комнате начали придирается по всяким пустякам, а палец укололся о канцелярскую кнопку — вся эта череда неприятностей сыпалась одна за другой, но Цзян Жугу даже не задумывалась о происходящем, наивно полагая, что ей просто не везет.

Нин Цзючэнь тем временем была полностью поглощена собственным планом, да и сотрудничество с Лун Чжэньтянем продвигалось вперед. Расставленные ею тайные пешки никто бы не обнаружил до самого момента запуска, а Лун Чжэньтянь в последнее время только и делал, что устраивал скандалы повсюду, из-за чего старый глава семьи Лун отобрал у него немалую часть принадлежавших ему компаний. Бизнес же самого Лун Батяня процветал и бурно развивался. Успехи на карьерном поприще притупили его бдительность, чего Нин Цзючэнь и добивалась; ну а то, что у него находилось время возиться с сердечными делами, играло только на руку ее будущим ударам и мести.

Не спрашивайте, откуда у старшеклассников такая невероятная силища — Нин Цзючэнь лишь могла ответить, что авторы романов просто невероятны, наделяют каждого божественной мощью, а золотые пальцы так и мелькают без остановки. Не ищите здесь логики, я бы сама с удовольствием спросила о ней первоначального автора.

Возвращаясь после уроков в апартаменты и взвешивая все за и против различных дел, размышляя о развитии сюжета с историей о признании в любви, Нин Цзючэнь вдруг вспомнила, что вот-вот должно случиться нечто грандиозное, а она из-за своей занятости совсем забыла проявить заботу о Цзян Жугу. Она бросилась бегом обратно, и когда с размаху распахнула дверь туалета, до её слуха донеслись невыносимо грязные ругательства вперемешку с пошлыми словечками. Услышав прерывистые всхлипывания, Нин Цзючэнь почувствовала, что её вспыльчивый характер в этот момент грозит выйти из-под всякого контроля.

Нин Цзючэнь одной рукой оттащила в сторону мешавшего под ногами человека и увидела прижатую в углу Цзян Жугу, с которой почти сорвали одежду. Видя, как та дрожит от страха, со слезами на глазах умоляя о пощаде, даже всегда невозмутимая Нин Цзючэнь потеряла самообладание.

Одним ударом ноги она отбросила стоявшего на руке Цзян Жугу человека из этого угла прямо к противоположной стене. Глухой стук испугал толпу, которая ещё мгновение назад вела себя

крайне агрессивно. Нин Цзючэнь торопливо набросила на Цзян Жугу снятое с себя пальто и подхватила её на руки — к счастью, её сегодняшний плащ оказался достаточно длинным.

— Кто из вас только что снимал видео? Удалите немедленно.

Толпа молчала, ведь мало кто осмеливался бросить вызов старшей дочери семьи Нин, местным хозяевам жизни. Разумеется, нашёлся и один смельчак, не боявшийся смерти, который выступил вперёд и попытался отказаться. Нин Цзючэнь подняла свободную руку и с молниеносной быстротой вывернула ему правое плечо, прежде чем тот успел сообразить, что происходит.

— Я повторяю ещё раз: удалите.

Тот, кто только что дрожащей рукой прятал телефон, теперь испуганно достал его обратно и в панике принялся удалять видео, которое успело записаться лишь наполовину. Кто это спланировал, выходите.

Главная зачинщица в этот момент боялась даже пикнуть, но остальные тут же указали на неё. Естественно, в критический момент товарищи по команде только для того и нужны, чтобы их предавать.

Нин Цзючэнь небрежно указала на нескольких человек:

— Подойдите и сдирайте с неё одежду по одной вещи.

Затем она кивком велела тому, кто только что делал снимки:

— Снимай всё на камеру и выкладывай в публичную сеть.

Зачинщица рухнула у её ног, хватаясь за штанину и вымаливая пощаду. Прежде чем та успела вытереть сопли и слёзы о её одежду, Нин Цзючэнь оттолкнула её.

Нин Цзючэнь легко стерла слёзы с лица Цзян Жугу и мягко произнесла:

— Хорошая моя, закрой глаза, тут грязно.

Затем она посмотрела на толпу, и её голос вновь стал ледяным:

— Я сказала: снимайте.

Быть может, появление такого видео сломало бы жизнь той, что сейчас молила о пощаде. Но Нин Цзючэнь считала: раз вы сами способны творить подобное, значит, явно хотели загнать Цзян Жугу в тупик. Она же лишь возвращала око за око, зуб за зуб.

В изначальном сюжете всё произошло точно так же. Никакой герой не спас Цзян Жугу, и это постыдное видео тогда действительно сняли. И хотя впоследствии Лун Батянь перехватил запись и не допустил реального ущерба, а его великий план по завоеванию возлюбленной шагнул далеко вперед, у Цзян Жугу осталась психологическая травма — на всю жизнь она возненавидела фотоаппараты. Наблюдая за тем, как толпа послушно выполняет все её требования, Нин Цзючэнь запахла на Цзян Жугу верхнюю одежду, тщательно заправив каждый край, чтобы не осталось ни единой щели. Затем она прижала девушку ближе к себе и лишь после этого унесла её.

Нин Цзючэнь не стала отводить её в общую комнату в общежитии — тамошние соседки не внушали ей доверия. Поразмыслив, она решила отвезти Цзян Жугу в свою собственную квартиру. Родители очень любили её и не хотели, чтобы она тратила силы на утомительные поездки туда-обратно, поэтому купили ей небольшие апартаменты прямо возле учебного заведения. Они находились напротив восточных ворот школы, совсем близко — идти пешком было от силы минут семь-восемь.

Видя, что Нин Цзючэнь усаживает её в ванну, куда только что набрали горячей воды, и собирается выйти, чтобы дать ей искупаться и согреться, Цзян Жугу тут же бросилась вперёд и обняла её. Она почувствовала, как тело Нин Цзючэнь на миг напряглось.

— Погоди, — прошептала Цзян Жугу. — Позволь мне обнять тебя, ладно? Чуть-чуть побуду так, и всё.

Ощущая, как горячие влажные струйки стекают по её шее, пачкают одежду и слыша частые капли, Нин Цзючэнь впервые проявила такую мягкость.

Она погладила Цзян Жугу по голове, ответила на объятия и одной рукой легко похлопала её по спине, безмолвно утешая. И только когда она услышала, что та больше не плачет беззвучно, а навзрыд дала волю рыданиям, Нин Цзючэнь наконец заговорила:

— Не бойся, всё хорошо. Впредь запомни: если что-то случится, сразу обращай ко мне. Время шло секунда за секундой. Нин Цзючэнь казалось, что прошло уже очень много времени, прежде чем этот до странного тесный и оттого немного затрудняющий дыхание обхват наконец начал слабеть. Глядя на человека, который сумел так быстро взять себя в руки, Нин Цзючэнь не понимала, что чувствует на душе. Сколько же всего ей пришлось пережить, раз у неё такая удивительная способность к исцелению?

— Почему ты так хорошо ко мне относишься? — раздался у самого уха слегка охрипший после слез голос Цзян Жугу.

— Считаю это долгосрочной инвестицией. Твоё будущее очень ценно, и я рассчитываю, что со временем ты придёшь мне на помощь.

Нин Цзючэнь редко доводилось произносить столь длинные речи с объяснениями, хотя спустя несколько лет Цзян Жугу поняла, что это были лишь слова утешения.

— Хорошо, — звонко ответила Цзян Жугу, выдавив на еще не высохших от слёз щеках

натянутую улыбку.

— Не хочешь улыбаться — не улыбайся. Иди в душ, смотри не простудись.

Сменной одежды Цзян Жугу не обнаружила, заметив на вешалке лишь банный халат — такое она видела впервые в жизни. В то время она еще не знала, что это называется халатом; в конце концов, в их нищей деревне даже те, у кого водились хоть какие-то деньги, носили обычные пижамы, да еще и хвастались ими перед всеми.

— Выпей имбирную воду со стола, а потом садись сюда.

Когда Цзян Жугу села, Нин Цзючэнь уже держала в руках фен. Она мягко перебирала её волосы, постепенно массируя кожу головы, и одновременно сушила волосы и делала расслабляющий массаж.

— Если лечь спать с непросушенными волосами, легко простудиться, — произнесла Нин Цзючэнь привычным тоном, но Цзян Жугу показалось, что от этого тепла исходит невероятный уют.

— Угу, я поняла.

Ужин не отличался особым изобилием: несколько простых домашних блюд и старый куриный суп. Нин Цзючэнь велела ей выпить побольше бульона, а если нет аппетита — съесть поменьше.

— Скоро я пойду в душ, а ты иди в гардеробную, переодись в пижаму и ложись спать. Пижамы висят в шкафу сразу под рукой, та небесно-голубая. Когда ложишься спать, помни, что нижнее белье надевать не нужно — оно нарушает циркуляцию крови, в больнице было неудобно, поэтому я об этом не говорила. Здесь две спальни: левая — моя, в правой еще никто не спал. Если сегодня ночью тебе будет страшно, можешь лечь со мной, а в дальнейшем будешь спать в правой.

Цзян Жугу усердно закивала:

— Хорошо.

Переодевшись и впервые оставшись без бюстгалтера, Цзян Жугу ощутила неприятную прохладу в груди. Из-за легкого волнения её соски едва заметно затвердели, и в таком виде это выглядело слишком уж отчётливо, отчего девушке стало невыносимо стыдно.

Помаявшись в гостиной еще добрую минуту, Цзян Жугу все же не удержалась и зашла в спальню Нин Цзючэнь. Упускать такую возможность было нельзя — вряд ли ей еще когда-нибудь выпадет шанс лечь в одну постель, так что теперь сокровенное желание из больницы наконец-то исполнилось.